

Привидения

Автор:

Генрик Ибсен

Привидения

Генрик Ибсен

«Просторная комната, выходящая в сад; в левой стене одна дверь, в правой – две. Посреди комнаты круглый стол, обставленный стульями; на столик книги, журналы и газеты. На переднем плане окно, а возле него диванчик и дамский рабочий столик. В глубине комната переходит в стеклянную оранжерею, несколько поуже самой комнаты. В правой стене оранжереи дверь в сад. Сквозь стеклянные стены виден мрачный прибрежный ландшафт, затянутый сеткой мелкого дождя...»

Генрик Ибсен

Привидения

Семейная драма в 3-х действиях

Действие первое

Просторная комната, выходящая в сад; в левой стене одна дверь, в правой – две. Посреди комнаты круглый стол, обставленный стульями; на столик книги, журналы и газеты. На переднем плане окно, а возле него диванчик и дамский рабочий столик. В глубине комната переходит в стеклянную оранжерею, несколько поуже самой комнаты. В правой стене оранжереи дверь в сад. Сквозь

стеклянные стены виден мрачный прибрежный ландшафт, затянутый сеткой мелкого дождя.

Сцена первая

В садовых дверях стоит столяр ЭНГСТРАН. Левая нога у него несколько сведена; подошва сапога подбита толстой деревянной плашкой. РЕГИНА, с пустой лейкой в руках, заступает ему дорогу.

Регина (приглушенным голосом). Чего тебе надо? Стой, где стоишь. С тебя и так течет.

Энгстран. Бог дождичка послал, дочка.

Регина. Черт послал, вот кто!

Энгстран. Господи Иисусе, что ты говоришь, Регина! (Делает, ковыляя, несколько шагов вперед.) А я вот чего хотел сказать...

Регина. Да не топочи ты так! Молодой барин спит наверху.

Энгстран. Лежит и спит? Среди бела дня?

Регина. Это уж тебя не касается.

Энгстран. Вчера вечером я кутнул...

Регина. Нетрудно поверить.

Энгстран. Слабость наша человеческая, дочка...

Регина. Еще бы!

Энгстран. А на сем свете есть множество искушений, видишь ли ты!.. Но я все-таки встал сегодня, как перед богом, в половине шестого – и за работу.

Регина. Ладно, ладно. Проваливай только поскорее. Не хочу я тут с тобой стоять, как на randevу.

Энгстран. Чего не хочешь?

Регина. Не хочу, чтобы кто-нибудь застал тебя здесь. Ну, ступай, ступай своей дорогой.

Энгстран (еще придвигаясь к ней). Ну нет, так я и ушел, не потолковавши с тобой! После обеда, видишь ли, я кончаю работу здесь внизу, в школе, и ночью марш домой, в город, на пароходе.

Регина (сквозь зубы). Доброго пути!

Энгстран. Спасибо, дочка! Завтра здесь будут святить приют, так уж тут, видимо, без хмельного не обойдется. Так пусть же никто не говорит про Якоба Энгстрана, что он падок на соблазны!

Регина. Э!

Энгстран. Да, потому что завтра сюда черт знает сколько важных господ понаедет. И пастора Мандерса дожидают из города.

Регина. Он еще сегодня приедет.

Энгстран. Вот видишь. Так я и не хочу, черт подери, чтобы он мог сказать про меня что-нибудь этакое, понимаешь?

Регина. Так вот оно что!

Энгстран. Чего?

Регина (глядя на него в упор). Что же это такое, на чем ты опять собираешься поддеть пастора Мандерса?

Энгстран. Тсс... тсс... Иль ты спятила? Чтобы я собирался поддеть пастора Мандерса? Для этого Мандерс уж слишком добр ко мне. Так вот, значит, ночью махну назад домой. Об этом я и пришел с тобой потолковать.

Регина. По мне, чем скорее уедешь, тем лучше.

Энгстран. Да, только я и тебя хочу взять домой, Регина.

Регина (открыв рот от изумления). Меня? Что ты говоришь?

Энгстран. Хочу взять тебя домой, говорю.

Регина. Ну, уж этому не бывать!

Энгстран. А вот поглядим.

Регина. Да, и будь уверен, что поглядим. Я выросла у камергерши... Почти как родная здесь в доме... И чтобы я поехала с тобой? В такой дом? Тьфу!

Энгстран. Черт подери! Так ты супротив отца идешь, девчонка?

Регина (бормочет, не глядя на него). Ты сколько раз сам говорил, какая я тебе дочь.

Энгстран. Э! Охота тебе помнить...

Регина. И сколько раз ты ругал меня, обзывал... *Fi donc!*

Энгстран. Ну нет, таких скверных слов, я, ей-ей, никогда не говорил!

Регина. Ну я-то знаю, какие слова ты говорил!

Энгстран. Ну да ведь это я только, когда... того, выпивши бывал... гм! Ох, много на сем свете искушений, Регина!

Регина. У!

Энгстран. И еще, когда мать твоя, бывало, раскуражится. Надо ж было чем-нибудь донять ее, дочка. Уж больно она нос задирает. (Передразнивая.) «Пусти, Энгстран! Отстань! Я целых три года прослужила у камергера Алвинга в Русенволле». (Посмеиваясь.) Помилуй бог, забыть не могла, что капитана произвели в камергеры, пока она тут служила.

Регина. Бедная мать... Вогнал ты ее в гроб.

Энгстран (раскачиваясь). Само собой, во всем я виноват!

Регина (отворачиваясь, вполголоса). У!.. И еще эта нога!..

Энгстран. Чего ты говоришь, дочка?

Регина. Pied de mouton!

Энгстран. Это что ж, по-англицки?

Регина. Да.

Энгстран. Н-да, обучить тебя здесь всему обучили; вот теперь это и сможет пригодиться, Регина.

Регина (немного помолчав). А на что я тебе понадобилась в городе?

Энгстран. Спрашиваешь отца, на что ему понадобилось единственное его детище? Разве я не одинокий сирота-вдовец?

Регина. Ах, оставь ты эту болтовню! На что я тебе там?

Энгстран. Да вот, видишь, думаю я затеять одно новое дельце.

Регина (презрительно фыркая). Ты уж сколько раз затевал, и все никуда не годилось.

Энгстран. А вот теперь увидишь, Регина! Черт меня возьми!

Регина (топая ногой). Не смей чертыхаться!

Энгстран. Тсс... тсс!.. Это ты совершенно правильно, дочка, правильно. Так вот я чего хотел сказать: на этой работе в новом приюте я таки колотил деньжонок.

Регина. Сколотил? Ну и радуйся!

Энгстран. Потому куда ж ты их тут истратишь, деньги-то, в глуши?

Регина. Ну, дальше?

Энгстран. Так вот я и задумал оборудовать на эти денежки доходное дельце. Завести этак вроде трактира для моряков...

Регина. Тьфу!

Энгстран. Шикарное заведение, понимаешь! Не какой-нибудь свиной закуток для матросов, нет, черт побери! Для капитанов да штурманов и... настоящих господ, понимаешь!

Регина. И я бы там...

Энгстран. Пособляла бы, да. Так только, для видимости, понимаешь. Никакой черной работы, черт побери, на тебя, дочка, не навалят! Заживешь так, как хочешь.

Регина. Еще бы!

Энгстран. А без женщины в таком деле никак нельзя; это ясно, как божий день. Вечерком ведь надо же повеселить гостей немножко... Ну, там музыка, танцы и прочее. Не забудь – моряки народ бывалый. Поплавали по житейскому морю...

(Подходя к ней еще ближе.) Так не будь же душой, не становись сама себе поперек дороги, Регина! Чего из тебя тут выйдет! Кой прок, что барыня тратилась на твою ученость? Слыхал я, тебя тут прочат ходить за мелюзгой в новом приюте. Да разве это по тебе? Больно ли тебя тянет стараться да убиваться ради каких-то шелудивых ребятишек!

Регина. Нет, если бы вышло по-моему, то... Ну да, может, и выйдет. Может, и выйдет?

Энгстран. Чего такое выйдет?

Регина. Не твоя забота... А много ль денег ты сколотил?

Энгстран. Так, крон семьсот-восемьсот наберется.

Регина. Недурно.

Энгстран. Для начала хватит, дочка!

Регина. А ты не думаешь уделить мне из них немножко?

Энгстран. Нет, вот уж, право слово, не думаю!

Регина. Не думаешь прислать мне разок хоть материал на платьишко?

Энгстран. Перебирайся со мной в город, тогда и платьев у тебя будет вдоволь.

Регина. Захотела бы, так и одна перебралась бы.

Энгстран. Нет, под охраной отцовской путеводной руки вернее будет, Регина. Теперь мне как раз подвертывается славенький такой домик на Малой Гаванской улице. И наличных немного потребуется; устроили бы там этакий приют для моряков.

Регина. Да не хочу я жить у тебя. Нечего мне у тебя делать. Проваливай!

Энгстран. Да не засиделась бы ты у меня, черт подери! В том-то вся и штука. Кабы только сумела повести свою линию. Такая красotka, какой ты стала за эти два года...

Регина. Ну?..

Энгстран. Немного времени бы прошло, как, глядишь, подцепила бы какого-нибудь штурмана, а не то и капитана...

Регина. Не пойду я за такого. У моряков нет никакого *savoir vivre*.

Энгстран. Чего никакого?

Регина. Знаю я моряков, говорю. За таких выходить не стоит.

Энгстран. Так и не выходи за них. И без того можно выгоду соблюсти. (Понижая голос, конфиденциально.) Тот англичанин... что на своей яхте приезжал, он целых триста специй-далеров отвалили... А она не красивее тебя была!

Регина. Пошел вон!

Энгстран (пятясь). Ну-ну, уж не хочешь ли ты драться?

Регина. Да! Если ты еще затронешь мать, прямо ударю! Пошел, говорят тебе! (Оттесняет его к дверям в сад.) Да не хлопни дверью! Молодой барин...

Энгстран. Спит, знаю. Чертовски ты хлопчешь около молодого барина! (Понижая голос.) Хо-хо!.. Уж не дошло ли дело...

Регина. Вон, сию минуту! Ты рехнулся, болтун!.. Да не туда. Там пастор идет. По черной лестнице!

Энгстран (идя направо). Ладно, ладно. А ты вот поговори-ка с ним. Он тебе скажет, как дети должны обращаться с отцом... Потому что я все-таки отец тебе. По церковным книгам докажу. (Уходит в другую дверь, которую Регина ему открывает и тотчас затворяет за ним.)

Сцена вторая

Регина быстро оглядывает себя в зеркало, обмахивается платком и поправляет на шее галстучек. Затем начинает возиться около цветов. В дверь из сада входит на балкон пастор Мандерс в пальто и с зонтиком, через плечо дорожная сумка.

Пастор Мандерс. Здравствуйте, йомфру Энгстран!

Регина (оборачиваясь, с радостным изумлением). Ах, здравствуйте, господин пастор! Разве пароход уже пришел?

Пастор Мандерс. Только что.

Регина. Позвольте, я помогу... Вот так. Ай, какое мокрое! Пойду повешу в передней. И зонтик... Я его раскрою, чтобы просох. (Уходит с вещами в другую дверь направо.)

Пастор Мандерс снимает дорожную сумку и кладет ее и шляпу на стул.

Регина возвращается.

Пастор Мандерс. А хорошо все-таки попасть под крышу... Скажите – я слышал на пристани, будто Освальд приехал?

Регина. Как же, третьего дня. А мы его ждали только сегодня.

Пастор Мандерс. В добром здравии, надеюсь?

Регина. Да, благодарю вас, ничего. Теперь он, должно быть, вздремнул немножко, так что, пожалуй, нам надо разговаривать чуточку потише.

Пастор Мандерс. Ну-ну, будем потише.

Регина (придвигая к столу кресло). Садитесь же, пожалуйста, господин пастор, устраивайтесь поудобнее. (Он садится, она подставляет ему под ноги скамеечку.) Ну вот, удобно так господину пастору?

Пастор Мандерс. Благодарю, благодарю, отлично!

Регина. Не сказать ли барыне?..

Пастор Мандерс. Нет, благодарю, дело не к спеху, дитя мое. Ну, скажите же мне, моя милая Регина, как поживает здесь ваш отец?

Регина. Благодарю, господин пастор, ничего себе.

Пастор Мандерс. Он заходил ко мне, когда был последний раз в городе.

Регина. Да? Он всегда так рад, когда ему удастся поговорить с господином пастором.

Пастор Мандерс. И вы, конечно, усердно навещаете его тут?

Регина. Я? Да, навещаю, когда есть время...

Пастор Мандерс. Ваш отец, йомфру Энгстран, не очень-то сильная личность. Он весьма нуждается в нравственной поддержке.

Регина. Да, да, пожалуй, что так.

Пастор Мандерс. Ему нужно иметь кого-нибудь подле себя, кого бы он любил и чьим мнением дорожил бы. Он мне сам чистосердечно признался в этом, когда был у меня в последний раз.

Регина. Да он и мне говорил что-то в этом роде. Но я не знаю, пожелает ли фру Алвинг расстаться со мной... Особенно теперь, когда предстоят хлопоты с этим новым приютом. Да и мне бы ужасно не хотелось расставаться с нею, потому что

она всегда была так добра ко мне.

Пастор Мандерс. Однако дочерний долг, дитя мое... Но, разумеется, надо сначала заручиться согласием вашей госпожи.

Регина. К тому же я не знаю, подходящее ли дело для девушки в моем возрасте – быть хозяйкой в доме одинокого мужчины?

Пастор Мандерс. Как? Милая моя, ведь здесь же речь идет о вашем собственном отце!

Регина. Да если и так... и все-таки... Нет, вот если бы попасть в хороший дом, к настоящему, порядочному человеку...

Пастор Мандерс. Но, дорогая Регина...

Регина... которого я могла бы любить, уважать и быть ему вместо дочери...

Пастор Мандерс. Но, милое мое дитя...

Регина... тогда бы я с радостью переехала в город. Здесь ужасно тоскливо, одиноко... а господин пастор ведь знает сам, каково живется одинокому. И смею сказать, я и расторопна и усердна в работе. Не знает ли господин пастор для меня подходящего местечка?

Пастор Мандерс. Я? Нет, право, не знаю.

Регина. Ах, дорогой господин пастор... Я попрошу вас все-таки иметь в виду на случай, если бы...

Пастор Мандерс (встает). Хорошо, хорошо, йомфру Энгстран.

Регина... потому что мне...

Пастор Мандерс. Не будете ли вы так добры попросить сюда фру Алвинг?

Регина. Она сейчас придет, господин пастор!

Пастор Мандерс (идет налево и, дойдя до веранды, останавливается, заложив руки за спину и глядя в сад. Затем опять идет к столу, берет одну из книг, смотрит на заглавие, недоумевает и пересматривает другие). Гм! Так вот как!

Сцена третья.

Фру Алвинг входит из дверей налево. За нею Регина, которая сейчас же проходит через комнату в первую дверь направо.

Фру Алвинг (протягивая руку пастору). Добро пожаловать, господин пастор!

Пастор Мандерс. Здравствуйте, фру Алвинг! Вот и я, как обещал.

Фру Алвинг. Вы всегда так аккуратны. Но где же ваш чемодан?

Пастор Мандерс (поспешно). Я оставил свои вещи у агента. Я там и ночую.

Фру Алвинг (подавляя улыбку). И на этот раз не можете решиться переночевать у меня?

Пастор Мандерс. Нет, нет, фру Алвинг. Очень вам благодарен, но я уж переночую там, как всегда. Оно и удобнее – ближе к пристани.

Фру Алвинг. Ну, как хотите. А вообще, мне кажется, что такие пожилые люди, как мы с вами...

Пастор Мандерс. Боже, как вы шутите! Ну да понятно, что вы так веселы сегодня. Во-первых, завтрашнее торжество, а во-вторых, вы все-таки залучили домой Освальда!

Фру Алвинг. Да, подумайте, такое счастье! Ведь больше двух лет он не был дома. А теперь обещает провести со мной всю зиму. Вот забавно будет посмотреть, узнаете ли вы его. Он потом сойдет сюда, сейчас лежит там

наверху, отдыхает на диване... Однако присаживайтесь же, пожалуйста, дорогой пастор.

Пастор Мандерс. Благодарю вас. Значит, вам угодно сейчас же?..

Фру Алвинг. Да, да. (Садится к столу.)

Пастор Мандерс. Хорошо. Так вот... Перейдем теперь к нашим делам. (Открывает папку и вынимает оттуда бумаги.) Вот видите?..

Фру Алвинг. Документы?..

Пастор Мандерс. Все. И в полном порядке. (Перелистывает бумаги.) Вот скрепленный акт о пожертвовании вами усадьбы. Вот акт об учреждении фонда и утвержденный устав нового приюта. Видите? (Читает.) «Устав детского приюта в память капитана Алвинга».

Фру Алвинг (долго смотрит на бумагу). Так вот, наконец!

Пастор Мандерс. Я выбрал звание капитан, а не камергера. Капитан как-то скромнее.

Фру Алвинг. Да, да, как вам кажется лучше.

Пастор Мандерс. А вот книжка сберегательной кассы на вклад, проценты с которого пойдут на покрытие расходов по содержанию приюта...

Фру Алвинг. Благодарю. Но будьте добры оставить ее у себя, – так удобнее.

Пастор Мандерс. Очень хорошо. Ставка, конечно, не особенно заманчива – всего четыре процента. Но если потом представится случай ссудить деньги под хорошую закладную, – тогда мы с вами поговорим пообстоятельнее.

Фру Алвинг. Да, да, дорогой пастор Мандерс, вы все это лучше понимаете.

Пастор Мандерс. Я, во всяком случае, буду приискивать. Но есть еще одно, о чем я много раз собирался спросить вас.

Фру Алвинг. О чем же это?

Пастор Мандерс. Страховать нам приютские строения или нет?

Фру Алвинг. Разумеется, страховать.

Пастор Мандерс. Погодите, погодите. Давайте обсудим дело хорошенько.

Фру Алвинг. Я все боюсь – и строения, и движимое имущество, и хлеб, и живой инвентарь.

Пастор Мандерс. Правильно. Это все ваше личное достояние. И я так же поступаю. Самой собой. Но тут, видите ли, дело другое. Приют ведь имеет такую высокую, святую цель...

Фру Алвинг. Ну, а если все-таки...

Пастор Мандерс. Что касается лично меня, я, собственно, не нахожу ничего предосудительного в том, чтобы мы обеспечили себя от всяких случайностей...

Фру Алвинг. И мне это, право, кажется тоже.

Пастор Мандерс...но как отнесется к этому здешний народ? Вы его лучше знаете, чем я.

Фру Алвинг. Гм... здешний народ...

Пастор Мандерс. Не найдется ли здесь значительного числа людей солидных, вполне солидных, с весом, которые бы сочли это предосудительным?

Фру Алвинг. Что вы, собственно, подразумеваете под людьми вполне солидными, с весом?

Пастор Мандерс. Ну, я имею в виду людей настолько независимых и влиятельных по своему положению, что с их мнением нельзя не считаться.

Фру Алвинг. Да, таких здесь найдется несколько, которые, пожалуй, сочтут предосудительным, если...

Пастор Мандерс. Вот видите! В городе же у нас таких много. Вспомните только всех приверженцев моего собрата. На такой шаг с нашей стороны легко могут взглянуть, как на неверие, отсутствие у нас упования на высший промысел...

Фру Алвинг. Но вы-то со своей стороны, дорогой господин пастор, знаете же, что...

Пастор Мандерс. Да я-то знаю, знаю. Вполне убежден, что так следует. Но мы все-таки не сможем никому помешать толковать наши побуждения вкривь и вкось. А подобные толки могут повредить самому делу...

Фру Алвинг. Да, если так, то...

Пастор Мандерс. Я не могу также не принять во внимание затруднительное положение, в которое я могу попасть. В руководящих кругах города очень интересуются приютом. Он отчасти предназначен служить и нуждам города, что, надо надеяться, в немалой степени облегчит общине задачу призрения бедных. Но так как я был вашим советчиком и ведал всей деловой стороной предприятия, то и должен теперь опасаться, что ревнители церкви прежде всего обрушатся на меня... ФРУ АЛВИНГ. Да, вам не следует подвергать себя этому.

Пастор Мандерс. Не говоря уже о нападках, которые, без сомнения, посыплются на меня в известных газетах и журналах, которые...

Фру Алвинг. Довольно, дорогой пастор Мандерс. Одно это соображение решает дело.

Пастор Мандерс. Значит, вы не хотите страховать?

Фру Алвинг. Нет. Откажемся от этого.

Пастор Мандерс (откидываясь на спинку стула). А если все-таки случится несчастье? Ведь как знать? Вы возместите убытки?

Фру Алвинг. Нет, прямо говорю, я этого не беру на себя.

Пастор Мандерс. Так знаете, фру Алвинг, в таком случае мы берем на себя такую ответственность, которая заставляет призадуматься.

Фру Алвинг. Ну а разве, по-вашему, мы можем поступить иначе?

Пастор Мандерс. Нет, в том-то и дело, что нет. Нам не приходится давать повод судить о нас вкривь и вкось и мы отнюдь не вправе вызывать ропот прихожан.

Фру Алвинг. Во всяком случае, вам, как пастору, этого нельзя делать.

Пастор Мандерс. И мне кажется тоже, мы вправе уповать, что такому учреждению посчастливится, что оно будет под особым покровительством.

Фру Алвинг. Будем уповать, пастор Мандерс.

Пастор Мандерс. Значит, оставим так?

Фру Алвинг. Да, без сомнения.

Пастор Мандерс. Хорошо. Будь по-вашему. (Записывает.) Итак, не страховать.

Фру Алвинг. Странно, однако, что вы заговорили об этом как раз сегодня...

Пастор Мандерс. Я много раз собирался спросить вас насчет этого.

Фру Алвинг. Как раз вчера у нас чуть-чуть не произошло там пожара.

Пастор Мандерс. Что такое?

Фру Алвинг. В сущности, ничего особенного. Загорелись стружки в столярной.

Пастор Мандерс. Где работает Энгстран?

Фру Алвинг. Да. Говорят, он очень неосторожен со спичками.

Пастор Мандерс. Да, у него голова полна всяких дум и всякого рода соблазнов. Слава богу, он все-таки старается теперь вести примерную жизнь, как я слышал.

Фру Алвинг. Да? От кого же?

Пастор Мандерс. Он сам уверял меня. Притом он такой работающий.

Фру Алвинг. Да, пока трезв...

Пастор Мандерс. Ах, эта злополучная слабость! Но он говорит, что ему часто приходится пить поневоле из-за своей искалеченной ноги. В последний раз, когда он был в городе, он просто растрогал меня. Явился и так искренне благодарил меня за то, что я доставил ему эту работу здесь, так что он мог побыть подле Регины.

Фру Алвинг. С нею-то он, кажется, не особенно часто видится.

Пастор Мандерс. Ну как же, он говорил – каждый день.

Фру Алвинг. Да, да, может быть.

Пастор Мандерс. Он отлично чувствует, что ему нужно иметь подле себя кого-нибудь, кто удерживал бы его в минуты слабости. Это самая симпатичная черта в Якобе Энгстране, что он вот приходит к тебе такой жалкий, беспомощный и чистосердечно кается в своей слабости. В последний раз он прямо сказал мне... Послушайте, фру Алвинг, если бы у него было душевной потребностью иметь подле себя Регину...

Фру Алвинг (быстро встает) Регину!

Пастор Мандерс... то вам не следует противиться.

Фру Алвинг. Ну, нет, как раз воспротивлюсь. Да и кроме того... Регина получает место в приюте.

Пастор Мандерс. Но вы рассудите, он все-таки отец ей.

Фру Алвинг. О, я лучше знаю, каким он был ей отцом. Нет, насколько это зависит от меня, она никогда к нему не вернется.

Пастор Мандерс (вставая). Но, дорогая фру Алвинг, не волнуйтесь так. Право, прискорбно, что вы с таким предубеждением относитесь к столяру Энгстрану. Вы даже как будто испугались...

Фру Алвинг (спокойнее). Как бы там ни было, я взяла Регину к себе, у меня она и останется. (Прислушиваясь.) Тсс... довольно, дорогой пастор Мандерс, не будем больше говорить об этом. (Сияя радостью.) Слышите? Освальд идет по лестнице. Теперь займемся им одним!

Сцена четвертая.

ОСВАЛЬД АЛВИНГ, в легком пальто, со шляпой в руке, покуривая длинную пенковую трубку, входит из дверей налево.

Освальд (останавливаясь у дверей). Извините, я думал, что вы в конторе. (Подходя ближе.) Здравствуйте, господин пастор!

Пастор Мандерс (пораженный). А!.. Это удивительно!..

Фру Алвинг. Да, что вы скажете о нем, пастор Мандерс?

Пастор Мандерс. Я скажу... скажу... Нет, да неужели в самом деле?..

Освальд. Да, да, перед вами действительно тот самый блудный сын, господин пастор.

Пастор Мандерс. Но, мой дорогой молодой друг...

Освальд. Ну, добавим: вернувшийся домой.

Фру Алвинг. Освальд намекает на то время, когда вы так противились его намерению стать художником.

Пастор Мандерс. Глазам человеческим многое может казаться сомнительным, что потом все-таки... (Пожимает Освальду руку.) Ну, добро пожаловать, добро пожаловать! Но, дорогой Освальд... Ничего, что я называю вас так запросто?

Освальд. А как же иначе?

Пастор Мандерс. Хорошо. Так вот я хотел сказать вам, дорогой Освальд, – вы не думайте, что я безусловно осуждаю сословие художников. Я полагаю, что и в этом кругу многие могут сохранить свою душу чистой.

Освальд. Надо надеяться, что так.

Фру Алвинг (вся сияя). Я знаю одного такого, который остался чист и душой и телом. Взгляните на него только, пастор Мандерс!

Освальд (бродит по комнате). Ну-ну, мама, оставим это.

Пастор Мандерс. Да, действительно, этого нельзя отрицать. И вдобавок вы начали уже создавать себе имя. Газеты часто упоминали о вас, и всегда весьма благосклонно. Впрочем, в последнее время что-то как будто замолкли.

Освальд (около цветов). Я в последнее время не мог столько работать.

Фру Алвинг. И художнику надо отдохнуть.

Пастор Мандерс. Могу себе представить. Да и подготовиться надо, собраться с силами для чего-нибудь крупного.

Освальд. Мама, мы скоро будем обедать?

Фру Алвинг. Через полчаса. Аппетит у него, слава богу, хороший.

Пастор Мандерс. И к куренью тоже.

Освальд. Я нашел наверху отцовскую трубку, и вот...

Пастор Мандерс. Так вот отчего!

Фру Алвинг. Что такое?

Пастор Мандерс. Когда Освальд вошел сюда с этой трубкой в зубах, точно отец его встал передо мной, как живой!

Освальд. В самом деле?

Фру Алвинг. Ну как вы можете говорить это! Освальд весь в меня.

Пастор Мандерс. Да, но вот эта черта около углов рта, да и в губах есть что-то такое, ну две капли воды – отец. По крайней мере, когда курит.

Фру Алвинг. Совсем не нахожу. Мне кажется, в складке рта у Освальда скорее что-то пасторское.

Пастор Мандерс. Да, да. У многих из моих братьев подобный склад рта.

Фру Алвинг. Но оставь трубку, дорогой мальчик. Я не люблю, когда здесь курят.

Освальд (повинуясь). С удовольствием. Я только так, попробовать вздумал, потому что я уже раз курил из нее, в детстве.

Фру Алвинг. Ты?

Освальд. Да, я был совсем еще маленьким. И, помню, пришел раз вечером в комнату к отцу. Он был такой веселый...

Фру Алвинг. О, ты ничего не помнишь из того времени.

Освальд. Отлично помню. Он взял меня к себе на колени и заставил курить трубку. Кури, говорит, мальчуган, кури хорошенько. И я курил изо всех сил, пока совсем не побледнел и пот не выступил у меня на лбу. Тогда он захохотал от всей души.

Пастор Мандерс. Гм... крайне странно.

Фру Алвинг. Ах, Освальду это все только приснилось.

Освальд. Нет, мама, вовсе не приснилось. Еще потом, – неужели же ты этого не помнишь? – ты пришла и унесла меня в детскую. Мне там сделалось дурно, а ты плакала... Папа часто проделывал такие штуки?

Пастор Мандерс. В молодости он был большой весельчак.

Освальд. И все-таки успел столько сделать за свою жизнь. Столько хорошего, полезного. Он умер ведь далеко не старым.

Пастор Мандерс. Да, вы унаследовали имя поистине деятельного и достойного человека, дорогой Освальд Алвинг. И, надо надеяться, его пример воодушевит вас...

Освальд. Пожалуй, должен был бы воодушевить.

Пастор Мандерс. Во всяком случае, вы прекрасно сделали, что вернулись домой ко дню чествования его памяти.

Освальд. Меньше-то я уж не мог сделать для отца.

Фру Алвинг. А всего лучше с его стороны то, что он согласился погостить у меня подольше!

Пастор Мандерс. Да, я слышал, вы останетесь тут на всю зиму.

Освальд. Я остаюсь здесь на неопределенное время, господин пастор... А-а, как чудесно все-таки вернуться домой!

Фру Алвинг (сияя). Да, не правда ли?

Пастор Мандерс. (глядя на него с участием). Вы рано вылетели из родного гнезда, дорогой Освальд.

Освальд. Да. Иногда мне сдается, не слишком ли рано.

Фру Алвинг. Ну вот! Для настоящего, здорового мальчугана это хорошо. Особенно, если он единственный сын. Такого нечего держать дома под крылышком у мамы с папой. Избалуются только.

Пастор Мандерс. Ну, это еще спорный вопрос, фру Алвинг. Родительский дом есть и будет самым настоящим местопребыванием для ребенка.

Освальд. Вполне согласен с пастором.

Пастор Мандерс. Возьмем хотя вашего сына. Ничего, что говорим при нем... Какие последствия имели это для него? Ему лет двадцать шесть-двадцать семь, а он до сих пор еще не имел случая узнать, что такое настоящий домашний очаг.

Освальд. Извините, господин пастор, тут вы ошибаетесь.

Пастор Мандерс. Да? Я полагал, что вы вращались почти исключительно в кругу художников.

Освальд. Ну да.

Пастор Мандерс. И главным образом в кругу молодежи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купити: https://tellnovel.com/ibsen_genrik/privideniya

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)